

ДОРОГ ЛИ ГОСУДАРСТВУ СУВЕРЕНИТЕТ?

Для населения государство остается самым надежным приютом безопасности и определенного благополучия. В середине XVII в. возникает Вестфальская система государств, наделенных суверенитетом. Воцарился принцип невмешательства в дела государства. Ж. Боден вводит в научный оборот понятие «суверенитет» как характерную черту государства. Государственная власть, по Ж. Бодену, верховна и суверенна, постоянна во времени и пространстве. Суверен вне (выше) закона и не связан волей других субъектов политической системы. Он делает все, что считает нужным, в законодательной, исполнительной, судебной государственных сферах. Суверенитет может принадлежать либо одному лицу (королю), либо одному собранию (парламенту), либо всему народу; но разделение государственного суверенитета между сферами власти считалось невозможным. Нередко, особенно публицисты, используют понятия «суверенитет» и «независимость» как синонимы или дополняют суверенитет независимостью. На наш взгляд, это размывает суть термина «суверенитет» как высшей сущностной черты государства. Ученые сходятся во мнении, что необходимо комплексное переосмысление и переоценка понятия суверенитета как в связи с возникновением мирового политического сообщества, так и в связи с уточнением пределов частных суверенитетов, принципов их сочетания друг с другом и построения их иерархии. В наши дни государственный суверенитет (фр. *souveraineté* – верховная власть) понимается как неотчуждаемое юридическое качество независимого государства, символизирующее его политико-правовую самостоятельность, высшую ответственность и ценность как первичного субъекта международного права. Таким образом, суверенитет является определяющим признаком современного государства.

В конце XX – начале XXI вв. в области изучения проблем суверенитета появились новые аспекты – мировая экономика обретает новое качество: важнейшей формой и одновременно новым этапом интернационализации хозяйственной жизни становится глобализация. В этой связи все активнее стала обсуждаться тема изменения, «размывания», «исчезновения» национального суверенитета. Глобализация, с одной стороны, во многом положительна для развития международных экономических связей, повышает социальную мобильность, однако, с другой, процессы глобализации размывают метафизическую основу национального суверенитета – национальную

идентичность всех без исключения стран мира, что не всегда положительно сказывается на их развитии. Принципы соблюдения государственного суверенитета предлагалось заменить принципами управления глобальной безопасностью, которое осуществляли бы ООН и Совет Безопасности.

В 1988–1991 гг. в связи с распадом СССР суверенитет стал ключевым понятием, которым выходящие из его состава советские республики демонстрировали категорическое политическое дистанцирование от СССР. Это был некий рубикон, заявление которого на высшем государственном уровне означало решительный разрыв советских республик со своим общим государством, точку невозврата, с которой начиналась их самостоятельная государственная жизнь. Формой этого заявления стали декларации. Это были не только формальные заявления о намерениях, но и утверждения о радикальной смене старого советского правового порядка на новый, самостоятельный, уже за пределами прежнего общего государства. До принятия новых Конституций суверенных государств прежние Конституции теряли правовую силу, и отдельные республики установили главенство собственных законодательств над всесоюзным. То есть термин «суверенитет» в этой ситуации являлся более строгим и официально значимым, в отличие от понятия «независимость». Дело, видимо, в том, что термин «независимость» по логике и смыслу подразумевал уточнение «от чего?», в то время как термин «суверенитет» сразу и вполне определенно декларировал статус страны как самостоятельного государственного субъекта мирового сообщества. И хотя после принятия деклараций Государственный совет СССР формально принимал решения о их признании, фактически для новых государств это признание по сравнению с собственными декларациями ничего не значило. В декларациях ссылок на эти решения нет, суверенитет обосновывался «волей народа». Однако в официальном дискурсе и политических текстах того времени суверенитет и независимость не размежевывались жестко и употреблялись нередко как синонимы, но все же с первенством суверенитета. Необходимо заметить, что при распаде Советского Союза, а также социалистических Чехословакии и Югославии под знаком суверенитета в мировое сообщество влилось в целом 21 новое суверенное государство.

27 июля 1990 г. Верховный Совет БССР принял «Декларацию о государственном суверенитете БССР». Декларация провозгласила полный суверенитет Белорусской ССР (Республики Беларусь) как «верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти в границах ее территории, правомочность ее законов, независимость республики во внешних отношениях». Содержания суверенитета других республик Советского Союза были в основном аналогичными, за небольшими стилистическими отличиями. В 1996 г. День независимости Беларуси был совмещен с днем освобождения столицы

республики Минска от немецкой оккупации 3 июля 1944 г. Попытка путча в Москве 19–20 августа 1991 г. стала активатором решительных действий Беларуси на пути суверенизации. Уже 25 августа 1991 г. Верховный Совет республики принял Закон «О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета БССР о государственном суверенитете БССР» и постановление «Об обеспечении политической и экономической самостоятельности Белорусской ССР». После этого процесс суверенизации Беларуси стал конкретизироваться созданием собственных высших органов власти и управления, государственного контроля и прокурорского надзора.

И все же часто в различных государственных документах этого периода во всех новоявленных странах бывшего СССР суверенитет и независимость идут бок о бок. Украина с утверждением Декларации о государственном суверенитете приняла постановление «О дне провозглашения независимости Украины». В данном случае суверенитет и независимость почти синонимы, но все же суверенитет первым определил статус государства, а независимость подкрепила его. Практически все выходявшие из состава СССР республики обозначали этот день как памятную историческую дату, но фиксировали ее как «День независимости». Это можно объяснить тем, что, видимо, независимость была более понятна массе населения, чем официальный суверенитет.

За дефинициями понятий «суверенитет» и «независимость» следует обратиться и к международным документам. В Уставе ООН (ст. 2, ч. 1) установлено, что ООН основана «на принципе суверенного равенства всех ее членов» [3], то есть суверенитет утвердился в данном случае как статус государств по отношению к ООН. Все государства суверенны и в этом статусе являются равноправными членами этой международной организации. Более развернутую характеристику суверенитету мы находим в «Заключительном Акте Соперования по безопасности и сотрудничеству в Европе», принятому 1 августа 1975 г. В разделе I документа закреплена такая его важнейшая черта – уважение суверенного равенства государств-участников друг друга, и далее развернуты права, как сказано в Документе, присущие их суверенитету. Это – право каждого государства на юридическое равенство, на территориальную целостность, на свободу и политическую независимость, а также необходимость уважать право друг друга, свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы, равно как и право устанавливать свои законы и административное правление.

В VI разделе документа государства-участники призываются воздержаться от любых действий, чтобы обеспечить себе преимущества за счет прав, присущих суверенитету других стран. В то же время в X разделе документа говорится о таких суверенных правах, как установление своих законов и административных правил, которые обязательно надо соотносить

со своими юридическими обязательствами по международному праву и положениями Заключительного акта Совещания, при этом не препятствуя полному осуществлению суверенных прав других государств [3].

Таким образом, рассмотренные выше международные документы практически не акцентируют внимания на термине «независимость», но иногда используют его в качестве одной из дополнительных черт, исходящих из суверенитета. Суверенитет придает государству основополагающий характер, который защищен не только всеми средствами самого государства, но и международными нормами. Отсюда можно сделать вывод о том, что через суверенитет государства выражают на практике свою волю и способность создавать на своей территории порядок сообразно собственной истории, сложившимся традициям и представлениям без прямого вмешательства внешних сил. То есть суверенитет объективно выражает и собственный правовой порядок в государстве, и соответствующее ему сознание правомерности такого порядка как естественного проявления воли народа.

Именно массовые выступления народа в ходе политики перестройки в СССР стали мощной базой, на которой зарождался и, в конечном счете, сформировался суверенитет как символ и реальная практика новой государственности. Насколько народ может быть носителем суверенитета, на наш взгляд, дискуссионный вопрос. Носитель – это реальный исполнитель, но народ не может быть исполнителем, им являются органы государственной власти и управления с конкретными функциями и ответственностью за состояние суверенитета перед народом. Можно предположить, что народ реально выступает как творец и суверенитета, и власти. Логически они связаны последовательностью процесса от декларативного заявления о суверенитете до формирования соответствующей государственной власти. Власть легитимна, если она получает полномочия от суверена, т. е. народа. Если государственные органы формализуют суверенное верховенство народа, то интересы и потребности народа начинают исчезать с поля зрения правящих, и тогда государство теряет свой политический характер, суверенитет переключивается в чьи-то «руки», которые произвольно творят власть в интересах определенных частных лиц и группировок. Срабатывает известный «железный закон» олигархических тенденций и трансформации власти, сформулированный Р. Михельсом. И тогда народ вынужден периодически возвращать государству свой, народный, суверенитет, напоминая властвующим в той или иной форме (протестными акциями, на выборах) об изначальности в государстве народной суверенной воли. В этом суть договорной концепции происхождения государства: создатель государства народ делегирует государству властные полномочия взамен на обязанность правителей денно и нощно заботиться о народе и его суверенной воле. Суверенная воля народа ни от кого не исходит,

никому не подчинена. Она первородна, изначально и самодостаточна, потому что народ – творец самой жизни со всеми ее неистощимыми делами и проблемами.

Нарушается ли суверенитет в результате установления приоритета общепризнанных принципов международного права, требующего от государств обеспечивать соответствие им своих законодательств? С формальной точки зрения совершенно очевидно, что нарушает. Приоритет – это корректировка законодательной воли национального государства со стороны внешней воли. Однако проблема не проста. На наш взгляд, понять и решить ее помогает теория справедливости Дж. Ролза, в частности, глава I, ч. I «Принципы справедливости». Справедливость – это первая добродетель общественных институтов, которая выше эффективности и успешности законов и институтов: если они несправедливы, они должны быть реформированы. Дж. Ролз полагает, что в упорядоченном обществе существует коллективная приверженность справедливости, которая используется для решения своих жизненных проблем [5, с. 490]. Дж. Ролз допускает, что в обществе не все захотят свое личное благо связывать со справедливостью. Поэтому целесообразно использовать небольшие возможности, не строя всеобъемлющих планов, но все же понимая, что коллективная рациональность принципов справедливости полезна: все равно каждому выгодно, чтобы все остальные выполняли их [5, с. 498]. Свобода каждого человека, без которой невозможна справедливость, должна быть совместима со свободой других [5, с. 66]. Однако если свободы сталкиваются друг с другом, то общая концепция справедливости допускает их ограничения, но при этом положение каждого должно быть улучшено [5, с. 68]. При этом, рассуждает Дж. Ролз, недопустим общий эгоизм, потому что, если каждому позволено достигать своих целей, как ему захочется, то конкурирующие притязания совсем не регулируются, и результат определяется силой и коварством [5, с. 126]. И чувство справедливости обычно заключается в эффективном желании согласиться с этими ограничениями [5, с. 136].

Принимая теорию Дж. Ролза как методологию, отметим, что, если народы будут ограничиваться только суверенитетом в рамках своего государства, тогда межгосударственное пространство будет непредсказуемым. И это несправедливо, ибо человек имеет право не на кусочек блага в границах своего суверенного государства, а и на благо за пределами своей страны. Для этого он совместно с другими государствами должен взаимовыгодно упорядочить межгосударственную сферу жизни и, следуя методологии Дж. Ролза, пойти в этом случае на некоторые связанные с этим ограничения суверенитета. Чувство справедливости обычно заключается в эффективном желании согласиться с этими ограничениями [5, с. 136]. Оно помогает понять тот предел суверенитета, который есть, но может быть преодолен,

и предоставить наравне с другими народами огромный источник блага не только на всей планете, но и в космическом пространстве. В данном случае справедливость не нарушает суверенитет, но позволяет его несколько ограничить во имя более важного – справедливости. Созданные для этих целей международные институты будут иметь определенные права воздействовать на государства для взаимовыгодных целей, том числе и властными полномочиями. Справедливость воплотится в том, что ее преимущества взаимного компромисса государств по поводу суверенитета с лихвой перекроют разумный ущерб, нанесенный суверенитету.

Понятно, что в мировом сообществе не все захотят связывать достижение своего блага с справедливостью и честностью. Уж очень значимые ресурсы и блага попадают в руки международных организаций. Но послушаем, что в этом случае думает Дж. Ролз: «Во вполне упорядоченном обществе быть хорошим человеком (в частности, обладать эффективным чувством справедливости) действительно является благом для этого человека; и во-вторых, что эта форма общества является благом, хорошим обществом» [5, с. 498]. И человек, и государства в принципе гордятся, когда становятся соучастниками общественного блага в обществе, и Дж. Ролз полагается на социальную мудрость, которая состоит в таком оформлении институтов, при котором непреодолимые трудности не возникают достаточно часто, а также в принятии простых и ясных принципов [5, с. 89]. Суверенитеты ценны для каждой страны, но не абсолютны. Они должны быть ограничены и приспособлены друг к другу так, чтобы постепенно складывалась справедливая и честная, но и подвижная граница суверенитета.

Сегодня много говорят о так называемом пагубном влиянии на привычные основы миропорядка постмодерна и глобализма. Глобализм свидетельствует об исчерпанности проекта модерна и неизбежности перехода мира к новому типу цивилизационного развития [1].

В отличие от эпохи модерна постмодерн, не отвергая модерновую картину мира, сделал ее частью радикально новой гипотезы современного мира, где глобальное и единичное встретились в таких понятиях, как виртуальность, неопределенность, относительность, сенсорная недоступность, многомерность объяснительных теорий (моделей), где ученые вознамерились из неживого создать живое – искусственный интеллект, где познавательные теории и практики рождаются с бешеной скоростью. Мир стал быстротекущим, изменчивым, взрывным.

Естественно эти процессы коснулись и области суверенитета. Суверенизация становится знаком «осознания и укрепления многообразных идентичностей» и объединения в союзы «с близкими в культурно-ценностном смысле странами» [8, с. 125]. Новая модель мироустройства выстраивается

не на единстве территории и власти, а на «конструктивной полицентричности». Не будем отвлекаться на опусы некоторых теоретиков «абсолютного зла» постмодерна (кризис гуманизма, исчезновение морали, духовная регрессия и т.д.). Будем полагаться на научную состоятельность тех, кто признает модерн и постмодерн эпохами последовательных изменений познавательной картины мира и естественных изменений в существующем миропорядке.

Общепризнанно, что постмодерн и глобализация существенно влияют на суверенитет и независимость государств. Освоение ресурсов планеты повышает зависимость стран друг от друга. Но эта освоенность планетных запасов через международную торговлю позволяет многим странам получить доступ к ним. Растут объемы торговли, теснее становится взаимозависимость государств в этой области. Любая страна, даже с самыми богатыми или бедными ресурсами, не обречена на ресурсное голодание.

В то же время наряду с государствами в этом процессе значительную и все возрастающую роль играет транснациональная экономика. Сегодня половина ВВП и 2/3 международной торговли производится транснациональными корпорациями, и поэтому глобализация так или иначе ограничивает суверенитет [9]. Отсюда делается категорический вывод о том, что если для решения глобальных проблем государство должно делиться частью суверенитета, то можно ли этот атрибут вообще считать его свойством. Вывод не подкреплён убедительной аргументацией. Вроде, как будто само собой разумеется, что если есть корпорации, то суверенитет начинает исчезать. Думается, что такие поползновения со стороны корпораций имеются. Это достаточно глубоко и убедительно представил в своем «Капитале» еще К. Маркс. Следует обратить внимание на то, что в наше время под воздействием постмодерна стремительно формируется единое мировое экономическое, политическое, миграционное пространство, что ведет, помимо прочего, и к эволюции института государства, его видов и типов [7]. Это есть естественный процесс все более глубокого и взаимосвязанного освоения человеком свой планеты и околоземного пространства. Появляются ассоциированные государства, новые города-государства, локальные федерации с государственными и, соответственно, суверенными функциями, которые с привычного масштаба отдельного государства перемешаются на более масштабный межгосударственный уровень. Это создает большие возможности для стран-участниц, что наглядно демонстрирует эффективно развивающееся Европейское сообщество. При этом важно замечание А. Харина о том, что государства остаются ключевыми участниками мировой политики и только им принадлежит право следовать стратегии децентрализации, делегируя свои полномочия негосударственным акторам на надгосударственный и субнациональный уровень. То есть без суверенных государств невозможно

их надгосударственное объединение с очевидными признаками суверенитета, например, ЕС. Видимо, невозможное вчера, сегодня входит в международную практику – разделение полномочий, которые затрагивают вопросы суверенитета при главенстве в объеме и контроле за границами осуществления делегированных полномочий стран-участниц.

Вектор эволюция Евросоюза демонстрирует наращивание суверенитета Союза как объединенного государства. С момента учреждения Сообщества в 1957 г. объем предметов его ведения увеличился в два раза. И если ранее предметы ведения просто перечислялись в виде списка, то сегодня их закрепление больше напоминает распределение ведения в федеративном государстве. В настоящее время к предметам совместного ведения относятся экономическая политика, общая внешняя политика и политика безопасности, включая общую оборонную политику [4]. Вместе с тем существует весьма высокая чувствительность государств в отношении своего государственного суверенитета. Не зря в документах ЕС часто повторяется, что та или иная деятельность руководства ЕС должна получать согласие на полномочия от тех стран-членов ЕС, которых это затрагивает. Известны случаи конфликтов на этой почве. Так что при наличии даже высокой степени интеграции государств суверенитет остается не только сущностной чертой, но и знаком существования государств как таковых. Государство может чувствовать себя должным в отношении осуществления окончательной власти и принуждения на определенной территории и таким образом продолжать влиять на жизненные перспективы людей, если институционально оно сохраняет исходное представительство [5]. Эта мысль Дж. Ролза вполне может быть интерпретирована и к суверенитету как исходной черте государства, за которой бытие государства или исчезает или переходит в состав объединения. Поэтому мы считаем правомерным вывод о том, что «сегодня государственный суверенитет и независимость серьезным образом переосмысливаются и включаются в более широкую систему правления» [2, с. 99].

Монополия на насилие, по М. Веберу, является практическим выражением государственного суверенитета самого исходного государства или уже его преемника, к которому перешла монополия на принуждение. Но практика свидетельствует, что именно эту последнюю черту государства добровольно не переходят и даже предпочитают отказаться при такой угрозе быстрее от интеграции во имя сохранения суверенитета. Именно на этой почве произошел «парад суверенитетов» на территории СССР. Суверенитет столь притягателен, что ряд государств по разным причинам испытывает сепаратистские устремления со стороны некоторых своих территориальных единиц, например, Пуэрто-Рико и Техас в США, Шотландия в Великобритании, Пенджаб в Индии, Косово в Сербии, Татарстан и Чечня в России, Каталония

в Испании, Палестина и сектор Газа в Израиле и т.д. Исследователи насчитывают около 50 очагов сепаратизма. Поэтому говорить об исчерпанности идеи суверенитета как главного признака государства [8, с. 125], на наш взгляд, не правомерно. Известный американский политолог Ф. Фукуяма задает риторический вопрос: «Не зависит ли сама международная легитимность от существования суверенных государств и их силы?». И далее дает следующий ответ: «Сегодня спор между членами международного сообщества сосредоточился на том, кто должен принимать решение о нарушении суверенитета и на каком основании... Только государства и одни государства способны объединить и целесообразно разместить силы обеспечения порядка (никто государство не заменит). Нам остается только вернуться к суверенному национальному государству и снова попытаться понять, как сделать его сильным и успешным». [6, с. 157, 176, 199]. Сильным и успешным может быть только государство, устойчиво сохраняющее принцип суверенитета и само решающее, как им лавировать в определенных ситуациях.

Список источников

1. Марков, А. П. Цивилизация эпохи постмодерна: симптомы духовного кризиса. Некоторые итоги XIX Международных Лихачевских чтений / А. П. Марков // Культура культуры. – 2019. – № 4. – С. 145–153.
2. Политология. Лексикон / под ред. А. И. Соловьева. – М. : РОСПЭН, 2007. – 800 с.
3. Права человека: международные правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – 816 с.
4. Распределение предметов ведения и полномочий ЕС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studiopedia.ru/12_230_razgranichenie-predmetov-vedenia-i-polnomochiy-evropeyskogo-soyuza.html?ysklid=loomy8rd7d604711605. – Дата доступа: 07.11.2023.
5. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 536 с.
6. Фукуяма, Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI в. / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ ; Владимир : ВКТ, 2010. – 222 с.
7. Харин, А. Эволюция модели государства постмодерна [Электронный ресурс] / А. Харин. – Режим доступа: www.svom.info/entry/301-evolyucionnyye-modely-gosudarstva-postmoderna. – Дата доступа: 14.10.2023.
8. Хейвуд, Э. Политология : учебник для студентов вузов / Э. Хейвуд. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 544 с.

9. Шабров, О. Ф. Государство в эпоху постмодерна [Электронный ресурс] / О. Ф. Шабров. – Режим доступа: <https://makipi.livejournal.com/4342.html?ysclid=Inq3ci2kmf14860215>. – Дата доступа: 14.10.2023.

*О.В. Босько, кандидат филологических наук
БГУИР (Минск)*

БЕЛОРУССКАЯ МОДЕЛЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, ИНДИКАТОРЫ

В настоящее время в большинстве стран мира отмечается стремление к устойчивому, но вместе с тем инновационному, развитию в различных областях жизнедеятельности. Активно осуществляется цифровая трансформация функционирования правительств, включая изменения системы государственного управления с учетом состояния современных цифровых технологий, потребностей конкретных обществ.

В Республике Беларусь целью развития общества является обеспечение устойчивого социально-экономического, политического и культурного развития страны, улучшение качества жизни граждан, создание широких возможностей для удовлетворения потребностей и свободного развития личности.

Программным документом, призванным обеспечить устойчивый экономический рост, является Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 г. (НСУР) [9]. Она является долгосрочной стратегией, определяющей цели, этапы, направления перехода Республики Беларусь к постиндустриальному обществу и инновационному развитию экономики при гарантировании всестороннего развития личности, повышении стандартов жизни человека и обеспечении благоприятной окружающей среды.

Системообразующим документом, с помощью которого в Республике Беларусь разрабатываются прогнозы и программы социально-экономического развития страны на средне- и краткосрочную перспективы является Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 г. (НСУР-2035) [8]. НСУР-2035 является связующим звеном между приоритетами устойчивого развития на национальном уровне и глобальными целями в этой области. В ее основе – системный подход, раскрывающий развитие трех взаимосвязанных сфер: экологической, социальной, экономической и ориентация на Цели устойчивого развития (ЦУР).

ЦУР, разработанные в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (Повестка-2030) [10] отражают ориентиры в разных сферах и являются актуальными для жителей любой страны. Повестка-2030